

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. Река	6
Глава 1. Чьи-то дочери	17
Глава 2. Чужой чужому	29
Глава 3. Спасители и грешники	48
Глава 4. Основной подозреваемый	68
Глава 5. Круг доказательств	80
Глава 6. Остановка	89
Глава 7. Односторонняя война	100
Глава 8. Игра в догонялки	116
Глава 9. Кто-нибудь что-нибудь знает	133
Глава 10. Дурное поведение	147
Глава 11. Один из тысячи	162
Глава 12. Смена курса	174
Глава 13. Блиц СМИ	192
Глава 14. Верхом на ракете	207
Глава 15. Неоконченное дело	224
Глава 16. В заточении	238
Глава 17. Работа над правосудием	251
Глава 18. Монстр говорит	260
Глава 19. Всё ради родственников	283
Эпилог. Всё в руках Божьих	294
Благодарности	298
Целевая группа Грин-Ривер с 1983 по 2003 год	300

ПРОЛОГ. РЕКА

Исток Грин-Ривер находится милей выше Национального заповедника Сноквалми и чуть южнее точки на карте под названием Стампед-Пасс. Начиная с одного маленького ручейка по пути на запад, она вбирает в себя десятки речек с такими названиями, как Чэмпιον, Вулф и Кугар. При достижении равнины этот устойчивый поток, учитывая весенние половодья, когда в Каскадных горах начинает таять снег, на некоторых участках может достигать шести метров в глубину.

Жизни людей, живущих в горной долине, отделённой Грин-Ривер, всегда проходили в плотном контакте с её водами. Это был источник воды и рыбы для коренных американцев, которые также использовали его, чтобы добраться до залива Пьюджет-Саунд. От реки зависели и первые поселенцы. В наше время она используется для орошения фермерских угодий, а также для спортивной ловли, рафтинга, плавания и всеми, кому по душе отдых на дикой природе.

Но в то время, как река помогает людям выжить, она давно является и местом трагедий. В середине 18-го века на её берегах белые поселенцы сражались с индейцами: погибли женщины, мужчины и дети с обеих сторон. А в последние годы река выносит тела утопленников или используется для сброса тел с целью избавления от улик, в надежде на то, что течение унесёт их далеко в море.

Моя связь с Грин-Ривер берёт начало в далёкие 60-е, когда, будучи ребёнком, живущим в городе Кент, я подрабатывал, собирая фрукты и овощи на фермах, расположенных вдоль её берегов. Позже, когда я учился в старших

классах, река стала местом, куда я сбегал от наших дол- гих противостояний с отцом. То были хорошие времена, но я знал, насколько тяжело было родителям воспитывать семерых детей при скудном заработке. По уикендам отец мог выпить лишнего и поругаться с матерью. Когда я был мал — прятался. Когда стал старше, пытался вмешивать- ся. После одной особенно тяжёлой ссоры я ушёл из дома и два месяца прожил в «меркури» 1956 года, который купил на деньги, заработанные вечерами после школы. Я при- парковался на уединённом месте на берегу реки; в тече- нии дня ходил в школу и на работу, а по вечерам возвра- щался в машину для ночёвки.

Я знал все потаённые безлюдные уголки Кента, где мог спрятаться ребёнок в бегах. Но я был не из тех, кто час- то попадал в неприятности. Скорее, даже наоборот. Я был ребёнком, который жил в суровых районах и ежедневно имел дело с хулиганами и плохими парнями, и чувство- вал, что это мой долг защищать от них себя и своих при- ятелей-аутсайдеров. Часть этого долга исходила из жёст- кого примера моего отца. Он никогда не отступал и готов был бороться за то, что считал правильным. Но в то вре- мя, как он всегда старался навязать свою волю и суждения людям вокруг себя, я был почти одержим своей безопас- ностью и безопасностью окружающих.

Детство дало мне большой опыт в столкновении с опасностями. Мне было семь-восемь лет, когда во вре- мя игры в марблс¹ ко мне подъехал мужчина на универ- сале и попытался похитить. Он сбегал из психиатриче- ской клиники штата и уже почти затащил меня внутрь, ко- гда подбежала мама и схватила меня за ногу. Она вырвала меня из его рук: одному Богу известно, что он собирал- ся со мной сделать. Примерно в то же время меня пой- мали трое старших ребят, обвинили в том, чего я не де- лал и привязали к дереву в лесу. Я выкрутился, но урок

¹ Игра в стеклянные шарики.

был ясен: мы делим этот мир с плохими людьми и должны уметь дать им отпор.

Со всей жестокостью и драматизмом, с которыми я столкнулся в семье и на улицах, не удивительно, что я рано стал проявлять интерес к полицейским и пожарным, — как-никак, людям, официально отвечавшим за нашу безопасность. В детстве одной из моих любимых игр была «Рескью 8», основанная на телесериале¹ с тем же названием. Я собирал братьев, сестёр, кузенов и создавал для них «чрезвычайные ситуации» — например, кто-то свисал с ветвей дерева или притворялся, что попал в опасность, а остальные из нас приходили на помощь. Велосипеды служили полицейскими машинами. И мы до боли напрягали горло, имитируя звук сирен.

Став старше, я перестал играть в спасателей и приходил на подмогу уже в реальных ситуациях, если кто-то просил о помощи или нуждался в ней. Когда «Подглядывающий Том» беспокоил девушек в общежитии, где жила моя будущая жена Джули, я погнался за ним и запрыгнул на подножку его «фольксвагена». (Он скинул меня, врезавшись в телефонный столб.) На футбольном поле, где я играл за квотербека², я оказался втянут в драку, вспыхнувшую после нашей победы. Мне не понравилось, что одного из наших самых приземистых игроков задирали великан-лайнмен. Я кинулся на помощь, но лайнмен³ врезал мне шлемом между глаз, и я оказался в больнице.

По какой-то причине мой ранний интерес к поддержанию мира и порядка не сразу привёл меня в правоохранительные органы. В колледже я рассматривал преподавание, тренерство, социальную работу и священнослужение. Мой дед, которого я любил и, которым восхищался, был лютеранским пастором, и вера была и является цен-

¹ Сериал про лос-анджелесскую пожарную команду № 8. Выходил с 1958 по 1960 год.

² Позиция игрока команды нападения в американском футболе.

³ Позиция игрока на линии схватки.

тром моей жизни. Я много думал об этом во время семи-месячной службы в военно-воздушных силах. Моя подруга, невеста и затем жена, Джули, постоянно говорила, что из меня получится хороший коп и призывала рассмотреть этот вариант. Мы много обсуждали это, и когда я уволился в запас и вернулся в Сиэтл, решил, что пришло время. В 1971 году я прошёл экзамен для поступления в Службу шерифа округа Кинг и набрал достаточно высокий балл — восемьдесят два — чтобы занять одну из ста десяти должностей помощников. Я приступил к работе в 1972 и оставался на ней более тридцати двух лет. За это время мы с Джули построили дом, создали семью и родили трёх детей: Анджелу, Табиту и Дениэла.

На первом расчётном листе мой начальник написал: «Офицер Райхерт обладает нужными качествами, чтобы стать хорошим полицейским. Хотя он кажется довольно тихим и спокойным, его действия указывают на то, что он отлично себя проявит».

Я был тихим молодым человеком, хотя действие привлекало меня намного сильнее любого разговора. Я мог сопереживать нуждающимся, что и сделало меня желанным в данной профессии, которая всё ещё базировалась на определённом менталитете Среднего Запада. Тридцать лет назад до модернизации процесса обучения и установления более конкретных процедур, каждый офицер должен был проявить творческий подход и напористость. Вы мчались к месту преступления на высокой скорости с ревущими сиренами и вызывали подкрепление только в крайнем случае. (Вероятно из-за того, что ваши коллеги находились в милях от вас.)

Иногда результаты такого мачо-подхода были почти идеальными. Как-то раз я принял вызов о домашнем насилии, когда мужчина приставил нож к горлу своей жены. Приехал старший офицер и предложил мне пролезть в открытое окно. Я снял обувь и залез в дом. Отвлёк мужчину. Он отвернулся от жены, она вырвалась, подбежала ко мне,

и я помог ей выбраться через окно. Затем я прошёл в гостиную, дабы убедиться, что мужчина не попытается покончить жизнь самоубийством. Когда я вошёл в комнату, он увидел моё отражение в окне. В последовавшей схватке он полоснул меня от правого уха до гортани, едва не задев ярёмную вену.

Когда я рассказываю эту историю, некоторых людей она заставляет вздрагивать. Сегодня у нас есть методики переговоров и этим занимаются специальные команды. Но больше люди поражаются тому, что моя жена Джули не закатила истерику после того инцидента. Она была встревожена звонком, когда ей сообщили: «Дэйва показывают по телеку, он ранен». Но узнав, что со мной всё будет в порядке, она сказала: «Что ж поделать. Таков Дэйв». И она была права. Я всегда считал себя борцом и заступником, и предпочитал играть за сторону нападения¹ всякий раз, когда выпадала возможность.

К счастью, полицейский может быть напористым, не подвергая свою жизнь каждодневному риску. В те ранние годы патрулирования я познал некоторые тонкости работы, как, например, обзаведение источниками информации на улицах и использование образного мышления при каждом реагировании на принимаемый вызов. Иногда это приводило и к забавным результатам. Я навсегда запомнил подростка, который вломился в загородный дом и стащил пару бутылок из винного шкафа и конфеты из комода. Я пошёл на задний двор и по обёрткам от конфет вышел к линии электропередач. И тут, рядом с обёрткой, нашёл квитанцию о прогуле школы. Должно быть, она выпала из его кармана. Там было указано его имя и вскоре я уже разговаривал с его матерью, которая провела меня в его комнату и тайнику с вещами, которые он стащил из домов по всему району.

¹ В американском футболе команда нападения владеет мячом и начинает розыгрыш.

Потом, как-то ночью, я увидел грабителя, вломившегося на автозаправочную станцию. Он выпрыгнул из разбитого окна и побежал в лес позади станции. Я последовал за ним, но быстро потерял в темноте. (Ошибка новичка: забыл взять фонарик.) Преследуя его, я слышал хруст веток, тяжёлое дыхание и звуки шагов. Вдруг раздался громкий удар и вскрик от боли. Мы не поймали его той ночью, но вернулись утром, чтобы проследить кровавый след от дерева до близлежащего трейлера, где он жил.

Помимо раскрытия преступлений и самоудовлетворения от помощи людям, одним из главных достоинств работы в полиции является дух товарищества между коллегами-офицерами. Бывают ссоры и обвинения, но связи, которые вы формируете — нерушимы. Особенно сильно я почувствовал это в отношении человека, больше всего повлиявшего на меня за годы патрулирования — Сэма Хикса.

Когда я пришёл, Сэм уже три года служил в полиции и ещё семь лет оставался моим наставником. Крупный мужчина со вьющимися рыжими волосами, он наслаждался работой и был частью нового поколения, привнёсшего в работу новый более смекалистый подход. Сэм был непоседой, но также в нём было больше здравого смысла, чем в любом, кого я знал. Они никогда не терял чувство юмора, особенно при исполнении. Одним вечером мы выехали по адресу, где предположительно было совершено ограбление и на нас из темноты выскочила рычащая собака. Сэм достал газовый баллончик, но перепутал стороны и направил струю себе в лицо, после чего мы рванули к нашим машинам. Его глаза распухли и покраснели, но мы оба покатывались со смеху.

Я никогда не забывал советов Сэма о том, что нужно сохранять спокойствие и всегда быть начеку, но самые важные его уроки относились к проявлению настойчивости и дотошности. Оба этих качества нашли проявление, когда мы получили звонок от рыбаков, обнаруживших на дне уединённого горного озера ботинок со стопой и ча-

стью голени. Несколькоими месяцами ранее сообщалось о пропаже туриста в этом районе. У этого человека было несколько врагов, так что мы рассматривали возможное убийство.

Мы с Сэмом прибыли на лесную опушку до рассвета. К нам присоединился детектив Боб Ламория. Мы взяли фонарики, нацепили рюкзаки и под проливным дождем направились в девятимильный путь до озера. По дороге Сэм ни разу не сбавил темп и, добравшись до места, мы быстро надули резиновую лодку и поплыли доставать ногу с помощью крюка. Пока мы плыли я взглянул вверх и увидел останки грудной клетки, покоившиеся на склоне горы на высоте пяти футов над нами. Под руководством Сэма я поднялся на гору и упаковал все кости, что смог найти. В итоге смерть была признана самоубийством, но, по крайней мере, теперь его семья могла провести похороны. Для Сэма проделать 18-мильный поход по дикой местности, чтобы раскрыть тайну найденной на дне озера ноги, — один день работы.

Сэм стал моим ближайшим другом, а его упорство и стремление стали примером для эффективного расследования, когда я присоединился к нему в отделе, занимающимся раскрытием убийств и ограблений. Сэм всегда брал напором свои дела и не любил ждать. 24 июня 1982, собираясь арестовать подозреваемого в убийстве, он позвонил мне домой. Меня не оказалось, но Сэм не стал ждать и взял другого детектива, Лео Херша, и отправился за подозреваемым.

Лео и Сэм заметили Бобби Хьюза на пассажирском сиденье грузовика его брата, который был за рулём. Они следовали за грузовиком по просёлочным дорогам сельского юго-западного района округа Кинг, пока он не свернул на дорогу, ведущую к отдельно стоящей ферме. Брат Бобби высадил его у деревьев, и они разделились. Когда Сэм и Лео подъехали, пуля пробила их лобовое стекло. Они выскочили наружу и спрятались за амбаром.

В тот судьбоносный день, Сэм и Лео не смогли определить, откуда был произведён выстрел. Пока Лео осторожно изучал местность, Сэм медленно подкрался к углу амбара. В ту же секунду, когда он оказался в поле зрения бандита, последовал ещё один выстрел. Пуля пробила грудь Сэма, и он рухнул на землю. Лео подбежал к нему и вызвал по рации помощь, а нападавший убежал в близлежащий парк Флэйминг Гейсер — большой лесистый район, разделённый надвое водами Грин-Ривер.

Мой друг и наставник Сэм Хикс был доставлен по воздуху в госпиталь Харбор-Вью, но он не выжил. Выстрел из мощной винтовки нанёс слишком сильный урон. Но ещё до того, как мы узнали о его смерти, пока врачи всё ещё бились за него, служба шерифа отреагировала на стрельбу массивным розыскным мероприятием. На место преступления прибыли все свободные полицейские. По следу Хьюза были пущены собаки. Над головами неустанно кружили вертолёты. Патрульные машины обследовали каждую милю дороги.

Сначала начальство не пустило меня на поиски убийцы. Они думали я был слишком близок с Сэмом и эмоции могли затмить мой рассудок. Но затем им понадобился человек, который доставил бы фотографию Хьюза на место преступления. Я вызвался добровольцем и помчался с включенными огнями и сиренами. Доставка фотографии была просто предлогом. Думаю, они знали об этом, когда отправили меня с этим поручением. Когда я прибыл на ферму, там находились помощники и детективы со всей округи. Одну из первых я увидел Фабьен «Фэй» Брукс — первую чернокожую женщину-детектива в службе шерифа. Фэй обычно занималась преступлениями на сексуальной почве. Но, как и все остальные, приняла участие в розыске. Должно быть, Фэй увидела в моём лице шок и трагедию, потому что первым делом крепко обняла меня.

Поиски Бобби Хьюза продолжались три дня и три ночи. Сотни людей прочёсывали местность по обе стороны от реки. И я был среди них, не прерываясь на отдых часами напролёт. Только раз я ездил домой повидать семью, погоревать о смерти друга и вздремнуть несколько часов.

Наконец, на третий день автолюбитель сообщил, что видел изнеможённого человека, взобравшегося по берегу реки и затем пересёкшего дорогу. Я и Билл Хенн были среди офицеров, отреагировавших на звонок. Полицейская собака взяла след Хьюза и начала преследование. Мы помчались расположить нашу машину на гравийной дороге, которая была точно на пути Хьюза. Мы с Биллом оба были вооружены дробовиками. Я улёгся на капоте лицом к лесу, держа палец на спусковом крючке. Билл занял багажник и смотрел в том же направлении.

Пока мы ждали, из леса до нас доносился лай собаки и треск ветвей. Но ни Хьюз, ни преследователи так и не показались. Он решил остановиться и спрятаться под упавшим деревом. Собака вцепилась в него, и он оказался в руках офицеров. Я был единственным детективом на месте преступления, поэтому меня привлекли к доставке Хьюза в полицейский участок в Оберне, чтобы я зачитал ему права и взял показания. Позже я отвёз его в изолятор округа Кинг в центре Сиэтла. Всё время я заставлял себя соблюдать спокойствие, пока Хьюз нёс какую-то херню о том, что Сэм и Лео были якобы плохими парнями, которые хотели убить его и заявил, что выстрелил в целях самообороны. Но я думал только о том, что этот человек убил моего лучшего друга, мужа, отца и одного из лучших копов лишь одним движением указательного пальца.

Через семь недель после смерти Сэма у моей дочери Анджелы был девятый день рождения. Отпраздновать это событие, а заодно и дни рождения всех остальных, кто родился в августе, в наш дом съехалось около сорока членов нашего большого семейного клана. Из-за того, что нас так

много, мы давно договорились проводить совместную вечеринку раз в месяц. Для «большого дня» Анджелы Джули заготовила торт и мороженное, и ещё много всяких блюд. Были куплены и завёрнуты подарки, и ещё больше их с собой привезли гости. С таким количеством гостей ежемесячное празднование было почти таким же потрясающим, как на Рождество.

Анджела едва сдерживала возбуждение, дожидаясь прибытия гостей. Она сидела за большим дубовым кухонным столом, доставшимся нам от моих родителей, когда зазвонил телефон. Звонили мне, и, если Анджела наблюдала за выражением моего лица, когда я слушал голос на другом конце провода, она знала, что должно было произойти. Экстренный вызов из Службы шерифа означал, что папе нужно было уйти. Опять.

Так много всего последует за этим звонком — десятки лет борьбы, беспокойства, опасностей и одержимости — что я почти забыл, что началось это в день рождения Анджелы. Но много лет спустя она напомнила мне об этом и вспомнила, как плакала, и как ей потом было стыдно, потому что она думала о себе, а не о жертве убийства, для осмотра которой меня и вызвали.

— Я думала, это так несправедливо, — сказала она. — Но мы знали — у тебя не было выбора.

Все понимали, что я должен был отреагировать незамедлительно. И знали, что для меня это была не просто работа. Я верил, что на меня возложена ответственность за разрешение худшего вида трагедий, дабы жертвы и их родственники могли получить хоть какую-то долю справедливости. Это было серьёзное дело, а учитывая насколько глубока моя христианская вера, я считал его своим призванием.

Несмотря на то, что я отвечал на телефонные звонки об убийствах с почти автоматическим хладнокровием, этому удалось задеть несколько эмоциональных струн.

Во-первых, он оторвал меня от праздника Анджелы, который мне очень не хотелось пропускать. Во-вторых, мне сообщили о нескольких жертвах, а это всегда намного ответственней и тяжелей. А в-третьих, этот звонок снова возвращал меня на берега Грин-Ривер.

24 июня река была фоном событий, которые заставили склонить колени перед смертью Сэма. Теперь Грин-Ривер принесла весть о ещё большей трагедии. Недалеко от берега были найдены затопленные тела двух молодых девушек и мне предстояло возглавить расследование: выяснить, кто они, как туда попали, и кто ответственен за это.

ГЛАВА 1. ЧЬИ-ТО ДОЧЕРИ

Возможно, в это трудно поверить, что каждый раз, когда я принимал экстренный вызов, мой разум тут же переключался с семейной жизни на убийство, но именно так и работает мозг большинства опытных детективов. По окончании рабочего дня, у нас есть обычная человеческая потребность в покое и уюте. И как и большинство людей, мы стараемся, чтобы работа и дом не сильно между собой пересекались. Разница только в том, что убийство — самое тяжкое деяние из всех, что может совершить человек, и детективам из отдела по расследованию убийств приходится иметь с ними дело каждый день.

15 августа 1982 поступил звонок о двойном убийстве: две женские жертвы. Я знал, что место обнаружения тел — точка на реке Грин-Ривер в пригороде Сиэтла, Кенте — труднодоступно для проведения обыска. По обе стороны реки растут ежевичные заросли. Покрытые шипами стебли, которые практически невозможно сломать, достигают в высоту шести футов и выше и растут вперемешку с таким же высоким тростником и травой. Помимо густых кустарников, крутые склоны берегов обложены камнями, чтобы сдерживать реку во время весенних паводков.

В Кенте к реке можно подойти с двухполосной просёлочной дороги Фрагер-Роад, идущей вдоль берега. Для района, который находится всего в двадцати милях от Сиэтла, это на удивление сельская местность: просто фермы, детские сады и несколько частных домов. Единственный бизнес в районе — скотобойня «Пи-Ди-энд-Джей Мит Компани», с которой река видна чуть южнее моста Пек-Бридж.

Когда я ехал по Фрагер-Роад в своей гражданской машине, больше всего меня беспокоило то, что я был на этой

скотобойне буквально три дня назад в рамках расследования убийства другой молодой девушки. В том деле работник скотобойни вышел наружу покурить. Он посмотрел вниз на реку, туда, где поверхность воды разделяла песчаная коса, с вынесенными на неё несколькими топляками. Перед брёвнами он увидел то, что принял за тушу большого животного. Ведомый любопытством, он прошёл к кромке воды по тропе, обычно используемой рыбаками. Минув заросли ежевики, он понял, что на песок вынесло не животное, а человека.

В том деле я сфотографировал место обнаружения тела, вызвал водолазов, чтобы они забрали его и помог вынести на берег для дальнейшего обследования. Для меня мёртвые тела были обычной частью моей работы, и я был обучен относиться к ним, как к вещественным доказательствам. Но также относился к ним с глубоким почтением. Тело представляет человека, которого когда-то любили, который строил планы на будущее, и который был всего лишён. Иногда тело может говорить с нами, предоставляя ключи и улики, могущие привести к правосудию за личность, которая когда-то жила внутри. Поэтому я отношусь к останкам с величайшей осторожностью.

Солнце обрушилось на открытые участки кожи с такой силой, что буквально выжгло их. Остальное тело было погружено в воду и начало раздуваться. Но хуже всего было то, что яйцекладущие насекомые проявили чрезвычайную активность и теперь повсюду ползали личинки. Я остановился на минуту, чтобы собраться, а затем, как и остальные офицеры, сделал всё необходимое, чтобы извлечь останки из воды в целостности и сохранности.

Когда тело оказалось на берегу, мы увидели, что, хотя молодая девушка была раздета, она дала нам некоторые подсказки для её идентификации. На ней было кольцо и одна серьга. А также у неё было несколько татуировок. Самой отчётливой было слово «Dubu», написанное внутри сердечка; татуировка располагалась на правом плече.

Официальную причину смерти должно было показать вскрытие, на котором я присутствовал на следующий день. Но на месте судмедэксперт смог определить, что тело находилось в воде не менее двух недель. Он не обнаружил воды в лёгких, что означало, девушка была убита до попадания в реку, а также отсутствовали какие-либо признаки физических травм.

Во время расследования я связался с местным татуировщиком Джо Йейтсом, который ранее помог опознать тело другой жертвы с татуировками, но в этот раз он зашёл в тупик. В конечном счёте, проверка по базам данных полицейский участков, которые хранят записи обо всех однажды задержанных гражданах, показала, что это была Дебра Линн Боннер. Ей было двадцать четыре и по весу и росту она соответствовала найденному телу. А также у неё были идентичные татуировки. Её арестовывали за проституцию не меньше восьми раз под несколькими вымышленными именами.

Все эти факты по делу Боннер пронесли в голове, когда я подъезжал к «Пи-Ди-энд-Джей Мит Компани» в воскресенье, 15 августа, но самые тревожные мысли были не о Девре, а о её матери. Всего сутки назад я отправился в один из самых суровых районов Такомы и постучал в дверь её дома. Внутренние помещения представляли собой воплощение бедности и запущенности. Малочисленная мебель была побитой и запачканной. По полу бегали мыши. Всё в этом месте говорило: «Здесь люди не живут, а выживают». Когда мы присели и миссис Ширли Боннер услышала от меня, что её дочь была убита, её глаза наполнились слезами, заструившимися по щекам. Вы могли бы сказать, что в материальном плане у этой женщины не было ничего для становления ребёнка на ноги и оказались бы правы. Но её горе было настоящим, безграничным и она проливала материнские слёзы.

— Я не сдамся, — сказал я ей. — Обещаю вам, я не сдамся.

Теперь я снова держал путь к реке, где меня дожидались ещё два тела молодых девушек, дочерей, чьи матери тоже будут рыдать, когда получат известия. Так как я был старшим детективом на месте преступления, эти дела тоже переходили под мою ответственность. Это означало, что я отвечал за само место преступления, за идентификацию тел и за все остальные аспекты расследования, включая контакты со скорбящими родственниками. Этот день обещал выдаться очень и очень длинным.

Стоянка «Пи-Ди-энд-Джей» была уставлена машинами правоохранителей, так что я припарковался на обочине дороги. Я схватил большой громоздкий фотоаппарат «Мамия», который обычно использовал на местах преступлений, а также немаленький батарейный блок для него и журнал для отметки каждого снимка. Как только вышел из машины, некоторые офицеры, стоявшие неподалёку тут же повели меня к месту преступления. Там на воде находился Роберт Эйрсворт, рафтер, достававший старые бутылки и всяких хлам со дна реки с помощью самодельного крюка. Всякий раз, когда он не мог поднять что-то крюком, прыгивал с лодки в воду, копошась в иле и песке.

В тот воскресный полдень Эйрсворт встретил мужчину на берегу реки, когда исследовал изгиб реки рядом с «Пи-Ди-энд-Джей». Они перекинулись парой слов на счёт лодочного мотора, утопленного в этом месте. А также он видел мужчину в пикапе на Фрагер-Роад. Пару минут спустя после того, как мужчины разделились, рафтер увидел то, что показалось ему женским манекеном, погруженным в воду. Он ткнул его крюком и заметил, что манекен был прижат ко дну большим камнем. Затем, пока маневрировал на лодке, увидел ещё одну женскую фигуру, затопленную примерно в десяти футах. Части тела, волосы, руки выглядели настолько натурально — как настоящие — что он понял, это были не манекены, а скорее тела молодых женщин.

12 августа 1982. Детектив Райхерт стоит с фотоаппаратом, наблюдая, как патрульные офицеры береговой охраны извлекают тело второй известной жертвы «Убийцы с Грин-Ривер» — Дебры Линн Боннер

Чтобы не испортить улики, которые мог оставить тот, кто поместил тела в воду, в зарослях ежевики и высокой травы офицеры уже проделали другой проход к реке. Прежде чем преступить к работе, я огляделся вокруг в поисках помощника, который взял бы мой журнал и записал в нём информацию о каждой сделанной фотографии: время, место и другие детали. Выбор пал на новичка, стоявшего в стороне, пока меня вводили в курс дела старшие офицеры.

Офицеру Сью Питерс повезло или не повезло (в зависимости от того, как на это посмотреть) заниматься патрулированием этого уголка округа Кинг. Едва пяти футов ростом, с коричневыми волосами и юношеской внешностью, Питерс выглядела скорее, как учитель начальных классов, чем полицейский. Это должна была стать её пер-

вая встреча с мёртвыми телами, но она сохраняла спокойствие, пока мы спускались вниз по берегу и шли по камням к точке, откуда тела выглядели тенями на отмели.

Первое тело, до которого мы дошли, было раздето и лежало лицом вниз на глубине трёх футов. Оно было придавлено камнями, которые лежали на стопах, коленных суставах, ягодицах и плечах. Из-за ила, покрывающего тело, невозможно было определить расовую принадлежность. Я сделал снимки и продиктовал детали Сью, которая сохраняла спокойствие и невозмутимость, полностью сосредоточившись на выполнении служебных обязанностей.

Второе тело находилось немного глубже и в десяти футах выше по течению. Оно лежало лицом вниз и было обнажено, за исключением бюстгалтера с расстёгнутой передней застёжкой. Камни лежали на правой голени и правом бедре, левой лодыжке и плече. Но ничто не удерживало правую руку, которую течение заставляло перемещаться из стороны в сторону. Казалось, будто она машет нам, говоря: «Я тут. Помогите мне».

Я уже размышлял о человеке (возможно, «животное» — более подходящее слово), который был ответственен за это маленькое шоу ужасов. Мы все пытались представить, как кто-то справлялся с этой рутинной для него работой: поместить тела в воду и обложить камнями, чтобы они не всплыли. И разумеется, мы рассуждали о возможной связи с девушкой с татуировкой «Dubu» — Деброй Боннер, которая была найдена в пределах видимости этой точки.

Было ли у этих двух молодых девушек что-то общее с Деброй? Принадлежали ли они к одному опасному и криминальному миру проституции, сутенёрства, наркотиков и клиентов? А что насчёт убийцы или убийц? Были ли все люди, вовлечённые в это преступление, как-то связаны друг с другом?

Закончив делать фотографии, мы со Сью присоединились к остальным, кто прочёсывал прибрежную кромку в

поисках улик. Всё было замусорено окурками, бутылками, пивными банками и другим мусором, который люди выбрасывают из окон автомобилей или оставляют во время пребывания возле реки. Это было довольно популярное место для рыбалки, и между дорогой и водой стояла пара захудалых хижин для любителей зимней рыбалки. Никаких улик не обнаружилось, но на всякий случай мы собрали весь мусор.

Пока другие работали неподалёку, мы со Сью шли по крутому берегу, выискивая любые признаки — отпечатки обуви, помятые растения, мусор — человека, оставившего в реке два тела. Растительность была очень плотной, трава достигала в высоту пяти-шести футов, и мы двигались медленно, аккуратно раздвигая стебли ежевики, чтобы не пораниться о шипы. Мы не могли видеть дальше фута впереди себя, поэтому я удивился, когда на пол пути вверх по берегу мы наткнулись на тело.

— Ещё одно! — крикнул я.

Дождаясь других офицеров, чтобы отметить место преступления и проверить наличие улик, у меня было время осмотреть тело. Это была молодая афро-американка и лежала она лицом вниз. Ноги выпрямлены и пятки почти соприкасались друг с другом. Правая рука была направлена вверх, согнутая в локте под углом в девяносто градусов. Из одежды был только белый бюстгальтер, — застёгнутый, но смещённый кверху. Вокруг шеи была намотана пара синих штанов.

В голове промелькнула мысль, что убийцу что-то спугнуло: человек на надувной лодке? проезжавшая машина? — поэтому он просто бросил тело на берегу, не донеся до воды. Очевидно, он просчитался, думая, что этот участок Грин-Ривер был более укромным, чем на самом деле. Я надеялся, что он совершил и другие оплошности, которые могли бы дать ключик к его личности.

Поиск улик продолжался несколько часов. Я сфотографировал тело и продиктовал Сью детали для записи

в журнал. Внизу под нами водолазы готовы были забрать первые два тела. Я спустился вниз помочь им. Это была ужасная задача. Тела были сильно раздуты и начали разлагаться. В какой-то момент я не смог удержать тело, потому что лоскут кожи просто отделился от него, оставшись в моей руке. Когда наконец оба тела вынесли из воды, мы положили их в специальные мешки и втащили вверх на берег, где дожидался судмедэксперт, доктор медицины, Дональд Рэй.

Мы открыли первый мешок, и доктор Рэй быстро определил, что первая жертва была афро-американкой и в воде она пробыла три-четыре дня. Не было видно никаких значительных травм за исключением синяка на левой руке. Второе тело, также молодой чернокожей женщины, подверглось более сильному разложению и Рэй предположил, что оно пролежало в воде неделю или около того. У неё тоже не было никаких видимых травм. Фактически из трёх тел, найденных в тот день, царапины и порезы были только на том, что было оставлено на берегу. У третьего тела всё ещё были заметны признаки трупного окоченения, которое начинает спадать примерно через двадцать четыре часа после смерти, поэтому стало ясно, что она была мертва максимум пару дней. На шее доктор Рэй заметил петехии — крошечные точки, которые появляются на лице от травмирования кровеносных сосудов и кровоизлияний. Петехии возникают, когда давление в тончайших капиллярах настолько велико, что стенки сосудов лопаются. Они могут возникать, например, под глазами или на носу при сильных приступах кашля или рвоте. А также они являются характерными признаками удушения.

Я посмотрел на молодую девушку и представил её смерть от рук зверя, который обмотал синие штаны вокруг её шеи и сильно стянул, передавив трахею, пока из неё не ушла жизнь. Её лицо выглядело одновременно перекошенным и очаровательно невинным, и я подумал: «Каждая из этих девушек чья-то дочь».

На зачистку места преступления ушло ещё несколько часов. Камни, что придавливали тела ко дну, были вещественными доказательствами, поэтому мы забрали их. Но в мусоре, собранном с берега, казалось, не было ничего важного. Мы могли надеяться только на то, что, идентифицировав трёх девушек, отследив их связи и перемещения, только тогда можно было заметить что-нибудь важное.

Ничто не связывало тела, найденные в то воскресенье с Деброй Боннер, которая была вынута из воды тремя днями ранее, за исключением того факта, что все они были молодыми девушками. Эта мысль пришла на ум, когда я стоял рядом с Фрагер-Роад и обсуждал дело с майором Ричардом Краске и другими следователями. Родители Дебби Боннер признали, что она была проституткой и жаловались по поводу мужчины, которого она называла своим парнем. На самом деле он был её сутенёром и снабжал наркотиками. Звали его Карлтон Маршалл и он позвонил им три недели назад сказать, что Дебби пропала.

Проституция была частью картины в двух других недавних убийствах. В январе я расследовал убийство Лиэнн Уилкоккс, которая была задушена и оставлена неподалёку на суше. В июле местная полиция Кента столкнулась со смертью Венди Коффилд, проститутки, которая была подругой Лиэнн. Её задушили, а тело сбросили в Грин-Ривер.

Уилкоккс, Коффилд и Боннер были тремя проститутками, задушенными и брошенными в радиусе десяти миль. Каковы были шансы на то, что эти три задушенные жертвы — все молодые девушки — не являлись частями одного ужасного пазла? Любой разумный человек поспорил бы, что это были не шесть отдельных убийств — импульсивные, внезапные преступления — а скорее продолжающаяся кампания смерти, проводимая убийцей, одержимым одной целью.

Поиски убийцы были нашей ответственностью, потому что места обнаружения тел подпадали под нашу юрисдикцию. Все они находились на немунципальной терри-

тории округа Кинг (у Сиэтла и других городов округа были свои собственные полицейские департаменты). Имея 2100 квадратных миль, это двенадцатый по размеру округ в Соединённых Штатах; когда-то малонаселённое место с горами, реками и побережьем, в котором теперь проживало более полумиллиона жителей. А если добавить сюда города, то популяция превысит миллион. Но даже с таким количеством людей в округе Кинг имелось довольно много изолированных и диких мест. Идеальная обстановка для серийных убийц: многочисленное разнообразное население, окружённое бесчисленными потаёнными местами. Плохо было то, что на всю эту территорию у нас имелось всего пятьсот полицейских. С одним уличным патрульным на тысячу душ населения мы не добирали даже половины средненационального показателя.

У жителей округа Кинг и Тихоокеанского Северо-запада уже имелся опыт столкновения с серийным убийцей. В 1974 в Сиэтле начал свои убийства Тэд Банди, похищая девушек из колледжей и с парковок в районе Пьюджет-Саунд. Его любимыми жертвами были студентки. Паника набирала обороты, когда девушки исчезали, а затем находили их мёртвые тела. И в итоге Банди начал охоту в Колорадо, а затем в Юте, где его и поймали. Стоит отметить, что он дважды совершал побег и убил ещё больше девушек во Флориде, прежде чем был окончательно пойман, осуждён и приговорён к смертной казни в 1980 году.

Хотя «убийства Тэда», как их называли, закончились, Банди до конца жизни появлялся в газетных статьях с предложениями помочь правоохранителям отыскать тела. Эти статьи служили людям напоминанием, что в любое время может появиться очередной жестокий хищник в человеческом облики и начать безжалостно убивать. И все мы знали, что страх и отвращение, созданные Банди, возобладают с новой силой сразу, как только будут опубликованы материалы об убийствах на Грин-Ривер.

В тот день нам повезло, и никто из СМИ так и не появился. Журналисты, как и все остальные, предпочитают отдыхать в уик-энд, а те несколько, кто находился на работе, возможно, забыли включить свои полицейские радиостанции. Как бы то ни было, мы смогли сделать свою работу не имея прессы под боком, заглядывающей через плечо или парящей над головами в вертолётах. Как только майор Краске обнаружил официальное заявление о ходе расследования, которое должно было быть сделано, учитывая серьёзность преступления, оно стало самой большой историей в регионе. На следующее утро «Сиэтл Постинтеллидженсер» приветствовал своих потягивающих кофе подписчиков кричащим заголовком: ТРИ МЁРТВЫЕ ДЕВУШКИ НАЙДЕНЫ БЛИЗ ГРИН-РИВЕР.

В этой истории не упоминалось имя Тэда Банди, но она оставляла отчётливое понимание того, что кто-то начал очень агрессивную преступную деятельность, которую полиция не могла остановить. Это раннее освещение установило тон в прессе на долгие годы: на свободе разгуливал очередной дьявол, а полиция опять не могла его остановить.

Как следователи, мы были готовы к критике, которую неизбежно обрушивают средства массовой информации. Но мы не могли позволить себе обращать на неё внимание. У нас просто не было на это времени. Следующим же вечером после нахождения тел, мы отправились к информаторам и другим источникам. Мы с сержантом нанесли визит женщине по имени Мишель Маршалл, которая была женой сутенёра Дебры Боннер, Карла Маршалла. Она призналась, что Дебби работала с Карлом, но настаивала, что ничего не знает о её смерти и смерти других девушек.

Было это после десяти вечера. Судмедэксперт ещё не провёл вскрытие и большинство полицейских офисов, с которыми можно было связаться для получения информации о заявлениях, подозреваемых и пропавших, было

закрыто. Больше мы в тот день ничего сделать не могли, так что я пожелал лейтенанту спокойной ночи и сел в машину, чтобы поехать домой.

Но ещё до того, как успел завести двигатель, я дал себе зарок не рассказывать жене, Джули, деталей минувшего рабочего дня. Ей и так пришлось компенсировать моё отсутствие на вечеринке Анджелы. Ей не нужно было слышать историю о раздутых телах и мешках для трупов. Я тихо прошёл в дом, скинул одежду и забрался в душ. Я просто сказал ей, что это был тяжёлый день, но со мной всё было в порядке.

По дороге домой я видел, что ночное небо было ясным и усыпано звёздами. Я мог разглядеть очертания гор, возвышающихся над Пьюджет-Саунд и освещённых огнями домов, раскинутых на склонах. С их живыми звуками, смешивающимися с гудками паромов и нетронутыми горами, видимыми с любой точки, Сиэта и округ Кинг обладают истинной красотой. Люди счастливы жить здесь. Как и я.

Но в то время, как среднестатистический житель или бесчисленные туристы видят идеальное место для жизни, работы и отдыха, ландшафт, по которому я ехал, таил в себе достопримечательности, о которых они не знают. Будучи детективом по расследованию убийств, я могу вспомнить все убийства, над которыми работал в дюжине районов по всему региону. В голове пролетали воспоминания о телах, о семьях и об убийцах, привлечённых к ответственности. И теперь на карте появилась ещё одна точка, пересечение долготы и широты, на которую бросила тень насильственная смерть.

ГЛАВА 2. Чужой чужому

16 августа 1986 у медицинского эксперта в холодильнике лежало три тела, но не было ни одного имени. Когда я пришёл в лабораторию забрать фотографии лиц жертв, я узнал, что все они были задушены — вероятно задушены — и что в двух телах была обнаружена сперма. Но это не всё. Тела, находящиеся в воде дали нам дополнительные физические свидетельства — камни пирамидальной формы размером с кулак, которые были засунуты в их влагалища.

Не обязательно быть судебным психологом, чтобы интерпретировать подобные находки. Тот, кто убивал молодых девушек и оставлял их тела в районе Грин-Ривер, сочетал насильственные действия со своеобразными сексуальными играми. Если все жертвы были проститутками, то очевидно мы должны были искать того, кто распространялся о своём отношении к этим девушкам, их роде деятельности и о самом себе.

Мы умолчали о найденных камнях, так как подобная информация могла помочь просеять будущих подозреваемых, поскольку о них мог знать только убийца. Мы также решили держать под колпаком некоторые интригующие свидетельства, найденные на теле, оставленном на берегу. Оказалось, что на нём было множество микроскопических стеклянных бусинок. Они были собраны и отложены в надежде на то, что однажды приведут нас к убийце.

Тем временем мы столкнулись с рядом незамедлительно возникших препятствий. У нас не было свидетелей, кроме рафтера, который дал расплывчатое описание двух мужчин и грузовика. Очень мало улик было собрано непосредственно на местах преступлений и у нас всё ещё не

было имён жертв. Хотя я работал над десятками убийств, мне редко приходилось сталкиваться с такой скудностью информации на ранних этапах расследования. В большинстве случаев для быстрой идентификации жертвы полиция полагается на официальное удостоверение личности или показания свидетеля. И места преступлений, особенно крытые, часто содержат ценные свидетельства. Пули можно отследить до конкретного оружия. На дверных откосах и столах остаются отпечатки пальцев. Многие убийцы оставляют свою собственную кровь, несколько волосков или волокна с одежды.

Типичное расследование убийства облегчается тем, что люди, причастные к нему, знают друг друга. Часто есть друзья или единомышленники, которые могут назвать вероятных подозреваемых и рассказать о ссорах, разногласиях или о длительной вражде, которая предполагает мотив. Значительное число убийств связано с членами семьи жертвы и происходит в домах, куда полиция многократно выезжала на вызовы о домашнем насилии. Всё, что нужно, чтобы вычислить правильные имена — проверить отчёты.

Вы удивитесь, узнав насколько много дел раскрывается только от того, что мы берём вероятного подозреваемого и приводим его в участок для беседы. Совершив убийство и проводя дни в ожидании полиции, большинство людей испытывают огромную вину, беспокойство и страх. Они настолько близки к признанию, что вам нужно только обеспечить для этого необходимые условия. Затем вы говорите что-то вроде: «Я могу понять, всё вышло из-под контроля», или: «На самом деле вы хороший человек. Мы знаем это. Просто расскажите нам, что случилось». В итоге один из таких вопросов будет, как касание иглой воздушного шарика. Вдруг подозреваемый начинает изливать всю информацию. Все факты встают на место и у вас есть убийца.

В каждом деле вы молитесь о подобном быстром решении и переживаете из-за возможных тупиков. Дела,

которых вы боитесь больше всего — это убийства на открытом воздухе, когда нет свидетелей, мало вещественных доказательств и нет признаков отношений между убийцей и жертвой. Такие преступления называются «чужой чужому». Такова была ситуация с делами Лиэнн Уилкоккс, Дебры Боннер и Венди Коффилд. Их связывало только одно: все они были замужем за опасной профессией — проституцией. Можно было думать на сутенёров и клиентов, но было слишком мало фактических улик. С дополнительными телами, лежащими в лаборатории судмедэксперта, у нас в общей сложности было шесть особо тяжких преступлений, и убийца был настолько осторожен, что не оставил ничего, что могло бы привести к нему.

Пока я находился в комнате для проведения аутопсии, шериф округа Кинг, Бернард Винкоски, встретился с майором Краске и другими старшими офицерами. Опасаясь что у нас завёлся ещё один Банди, они решили создать целевую группу из двадцати пяти человек. В неё были набраны детективы и патрульные, которым предстояло отложить свои текущие обязанности и заняться только убийствами на Грин-Ривер. Такой шаг позволил ввести в игру столь необходимые людские ресурсы и уверил прессу и общественность, что мы были настроены серьёзно. Но также это был сигнал о том, что я имел дело с гораздо более объёмным, тяжёлым и требовательным расследованием из всех, что у меня были.

Я довольно остро чувствовал это бремя, поскольку официально был ведущим детективом по всем убийствам, начиная с Дебры Боннер и Лиэнн Уилкоккс. В то время так работало большинство полицейских департаментов. Когда у вас на руках было дело и произошло преступление, связанное с ним, то этим преступлением тоже должны были заниматься вы. В таком подходе была определённая логика. В те дни за долго до того, как повсеместно стали использоваться компьютеры, нам приходилось полагаться на факты в наших головах и пользоваться собственным

интеллектом для установления связей. Таким образом, должен был присутствовать один ведущий детектив, связанный с делами с самого начала, который отвечал за усвоение всех фактов. Плохо ли, хорошо ли, в целевой группе таким человеком был я.

Хотя я руководил деятельностью на каждом месте преступления, читал все рапорты и давал большое количество важных интервью, я не занимался всей организацией в одиночку. Мои начальники, майор Краске и несколько других, занимались долгосрочным планированием и ежедневным управлением. Но я всё равно должен был проверять, что расследование шло по всем нужным направлениям и, что вся собранная информация была обработана и сопоставлена. На нас должны были свалиться огромные объёмы данных, так что приходилось держать руку на пульсе.

Первое, что нам предстояло — идентифицировать три тела, обнаруженные в воскресенье. Мы проверили собственные записи о побегах из дома, о пропавших людях и ранее задержанных молодых девушках. Нам предложили помощь правоохранительные органы со всего Северо-Запада. Каждый местный департамент вёл список нераскрытых дел о пропавших людях. Если бы обнаружилось совпадение по одному телу, то целевая группа и местные полицейские продвинулись бы сразу по двум делам.

В то же время мы выслушивали устойчивый поток граждан, делившихся своими соображениями по поводу убийств. Наши телефоны звонили без остановок, пока мы определяли, было ли что-то ценное в рассказах звонивших. Некоторые из них дали информацию, заслуживающую внимания. Один звонивший рассказал, что подслушал разговор мужчины, который обсуждал захоронение тел. Другой сказал, что недавно его друг изнасиловал женщину и пригрозил, что утопит её в Грин-Ривер. Третий видел подозрительно выглядящего мужчину в бейсболке, курсирующего по Фрагер-Роад в зелёном универсале, —

он сделал резкий U-образный разворот, когда увидел полицейские машины, припаркованные вдоль дороги.

Было очень важно услышать о подозрительном водителе на Фрагер-Роад, но, как вы могли догадаться, мы получили много звонков и от людей, которые были дезинформированы или просто хотели стать частью драматических событий. Один анонимный информатор посоветовал нам искать человека, часто бывающего в тавернах вблизи Кента и связанного с наркотиками. Но никаких подробностей не назвал. Пара проституток указала на своих клиентов. Одна из звонивших предположила, что нашим главным подозреваемым должен быть одинокий старик-инвалид с внушительным горбом. Видимо, в её представлении именно так выглядели убийцы — других оснований для подозрений у неё не было. Несколько женщин сказали проверить их бывших мужей, которые ненавидели женщин, держали у себя порнографию и часто пропадали без объяснения причин.

Мы все занимались приёмом звонков, а между делом встречались со всеми источниками — стукачами, проститутками, их клиентами и сутенёрами, которые могли видеть или слышать что-то важное. Зная, что ранние жертвы занимались торговлей телом, особенное внимание мы уделили близлежащему району активности проституток — отрезку автострады Пасифик-Хайвэй, который все называли «Полоса».

* * *

В конце 70-х — начале 80-х, «Полоса» стала рынком под открытым небом для тех, кто готов был платить за секс. С отелями, дешёвыми мотелями, барами, круглосуточными магазинами и забегаловками, этот отрезок дороги был удобен для бизнесменов, пользующихся аэропортом «Си-Так»¹, который ежедневно принимал до тридцати

¹ Сиэтл-Такома

тысяч человек. Также он был удобен для многих мужчин, работающих в промышленных парках, расположенных в полчаса езды. Примерно в четыре часа после полудня молодые девушки, одетые в приметные наряды, начинали ходить вверх и вниз по улице, когда трафик достигал пяти-шести тысяч машин в час. С наступлением вечера увеличивалась и их активность. В пиковые вечерние часы уик-эндс можно было увидеть до сотни прогуливающихся девушек. Клиенты останавливались и звали понравившуюся торговку на «свидание».

Каждый полицейский, работавший в районе, знал этот «парный танец» проституток и клиентов: как только девушка садилась в машину клиента, он отвозил её к себе в отель, или она вела его в комнату, которую сняла на ночь. Однако, чаще всего дело делалось в каком-нибудь уединённом местечке недалеко от шоссе. Поэтому владельцы аэропорта завладели целыми прилегающими кварталами и снесли дома, оставив лабиринты пустых неосвещённых переулков и тупиков. Пары, желавшие быстрого секса, находили удобное место для парковки и, либо оставались в машине, либо заходили в подлесок. Через несколько минут «свидание» заканчивалось, и девушка возвращалась на «Полосу», где могла взяться за нового клиента.

Читая это в 2004 году, вам, наверное, трудно представить, что творилось на «Полосе» в 1982-ом. Сейчас торговля секс-услугами скрылась с глаз, проходя за закрытыми дверями пригородных домов, а отрезок шоссе, облюбованный когда-то проститутками, был переименован в Международный Бульвар. Большинство грязных мотелей кануло в лету и теперь автобусные остановки, которые служили точками пикапа клиентов, занимают пассажиры с дипломатами.

Но в 1982-ом «Полоса» была оживлённым секс-рынком, подобия которого можно было найти в большинстве крупных американских городов. У этого явления было несколько причин. Новые законы усложнили для полиции

соблюдение комендантского часа, введённого для того, чтобы подростки не шатались по улицам. (Когда я начал работать в органах, я задерживал детей за нарушение комендантского часа и развозил их по домам.) Одновременно с этим из-за огромного количества сбежавших из дома подростков, было невозможно отследить все заявления о пропавших без вести. За исключением, когда были явные признаки преступления, заявления о пропавших людях не получали серьёзного расследования. А заявления о пропавших подростках снимались по истечении тридцати дней, чтобы освободить место для новых.

Картину дополняли и другие неблагоприятные тенденции. Эпидемия крэк-кокаина создала огромный пласт отчаянных молодых наркоманок. И наконец, угроза ВИЧ и СПИДа пока что оставалась неясной. Многие мужчины и женщины считали, что заниматься проституцией безопасно и сквозь пальцы смотрели на то, что это могло привести к насилию и заболеваниям.

Если вам интересно, почему такой вид деятельности был разрешён в мегаполисе вроде Сиэтла, ответ тот же, что и для всех других крупных городов: у нас никогда не было достаточно живой силы, чтобы покончить с сексуальной торговлей. Для проституток и клиентов, которых мы задерживали, арест был просто пощёчиной и на следующий день они снова выходили на улицы. И общественность не давила на нас, чтобы мы сделали очистку «Полосы» своим приоритетом. Это место не считалось таким уж опасным, и многие избиратели рассматривали проституцию, как преступление без жертв.

Но проституция никогда не обходится без жертв, а торговля телом близ «Си-Так» никогда не была безопасной для девушек и их клиентов. Сутенёры, обещавшие заботиться о них, вместо этого держали их на коротком поводке с помощью наркотиков и насилия. Когда клиент назначал «свидание», он в ту же секунду входил в непредсказуемый и потенциально насильственный преступ-

ный мир. Конечно, чаще всего сделка — деньги в обмен на секс — проходила без происшествий. Но было достаточно случаев, когда происходили действительно чудовищные преступления, и всякий раз я задавался вопросом, почему здравомыслящие люди продолжают платить за секс.

Для примера приведу дело, которое я расследовал в начале своей карьеры детектива. Это началось, когда патрульный вышел проверить маленький «пинто», стоявший на парковке таверны возле Международного аэропорта округа Кинг, который также называют «боинговой взлёткой». У хэтчбека «пинто» было большое заднее стекло, и офицер не мог не заметить тело, лежащее на заднем сиденье. Нас с Сэмом назначили следователями в этом деле. Мы доказали, что мертвец был клиентом, убитым сутенёром, который ограбил его в мотеле «Бен Кэрол» на «Полосе». Этот случай наглядно показывает опасность проституции. Наше расследование и его быстрое завершение давали надежду, что мы также быстро поймаем и «Убийцу с Грин-Ривер».

В начале дела «Бен Кэрол» у нас не было ничего, кроме не идентифицированного тела в машине. Не было ни свидетелей, ни орудия убийства, ни отпечатков пальцев. Прорыв случился, когда менеджер мотеля сообщил о крови, найденной в комнатах. Регистрационная информация, данная человеком при заселении, была ложной, включая автомобильные номера. Мы проверили все остановки в районе, сделанные тем вечером дорожным патрулём. В точку. Попался регистрационный номер с теми же буквами и цифрами, только в другом порядке.

Короче говоря, номер привёл нас к сутенёру и его «притону» с проститутками. Одну из девушек мы нашли в Портленде, Орегон, и после шести-семи часов допросов, она рассказала всю историю. Спустя двадцать три года сутенёр всё ещё находится в тюрьме штата. Урок этой «сказки» не в том, что мы с Сэмом были супер-копами. Урок в том, что убийцы почти всегда оставляют след, по которо-

му их можно отследить. Они снимают комнаты, используют кредитные карты, их тормозят патрульные за превышение скорости. И даже в тёмном мире проституции, где каждый стремится к скрытности, можно отследить личности, разгадать тайны, раскрыть преступления.

Это не уникальная практика. У каждого патрульного офицера, детектива и сержанта, кто вышел на улицы в дни после обнаружения тел на Грин-Ривер, был подобный опыт. Мы считали, что кто-нибудь да видел убийцу. Кто-нибудь мог опознать его машину. Дать детальное описание внешности. Что-то, что могло помочь раскрыть дело.

— Не переживайте за меня. Я *узнаю* этого ублюдка, когда увижу его. Он, сука, пожалеет, если попытается что-нибудь сделать со мной. Я ему этого так не оставлю.

Как и все мы, Фэй Брукс сталкивалась с тем, что одна девушка за другой пропускали её предупреждения об «Убийце с Грин-Ривер» мимо ушей. Будучи ветераном отдела нравов, Фэй знала многих девушек с «Полосы», и они доверяли ей. В первые дни работы целевой группы, она встретилась с десятками из них. Никто не знал, кто был убийцей, но за себя они не особо переживали. Молодые и закалённые, они ошибочно полагали, что их «уличное чутьё» защитит их.

Мы с Фэй обсуждали эту проблему на регулярной основе в течении всего расследования дела Грин-Ривер. Что бы мы не сказали этим девушкам, они бы не ушли с улиц и не признали бы свою уязвимость. Ощущение опасности укрепилось, когда со временем мы установили личности трёх девушек, чьи тела были обнаружены 15 августа. Первое «попадание» случилось по отпечаткам пальцев, взятых с одного из тел и сопоставленных с отпечатками проститутки, задержанной нами в прошлом году. (Без сомнения она тоже думала, что у неё идеальное уличное чутьё.) С отпечатками шёл длинный перечень вымышленных имён: Марша Вудс, Белинда Брэдфорд, Белинда Вудис и

так далее. В конечном счёте мы выяснили настоящее имя: Марша Фэй Чапмен.

Марша Фэй Чапмен, которую друзья называли «малышкой», была настолько миниатюрной и молодо выглядящей, что было тяжело поверить в её возраст — тридцать один год. Она была матерью троих детей и в отличие от многих других на «Полосе», тратила деньги на свою семью. А также поддерживала отношения с матерью. Именно она и опознала тело. Она рассказала, что недавно её дочь столкнулась с человеком, который ударил её рукояткой пистолета, обвинив в краже денег. Она сказала, что Марша пропала в середине июля. С тех пор о детях заботилась бабушка. Заявление о пропаже она подала 2 августа.

Для установления личностей оставшихся тел потребовалось приложить гораздо больше усилий. Мы отправили фотографии в ФБР и правоохранительные органы по всему Северо-Западу. Рисунки жертв были опубликованы в газетах. Мы начали отслеживать заявления о пропавших и одновременно с этим к нам приходили посмотреть на снимки их родственники. Я встретился с одной парой, Намоном и Мэрилин Маршалл. Их дочь — на самом деле Намон был её отчимом — пропала примерно три недели назад. Рассмотрев фотографии неопознанных девушек, они пережили шок и страдания. Да, одна из них была их дочерью. Звали её Синтия Хиндс.

Не представляю, каково было Маршаллам, когда они столкнулись с фактом, что их дочь погибла, став жертвой убийцы-садиста. Должно быть, для них это было также тяжело, как вернуться на следующий день и рассказать всё, что они знали о дочери. Миссис Маршалл призналась, что её 17-летняя девочка была проституткой. Синди проводила много времени в районе проституции в центре Сиэтла на Пайк-Стрит и на «Полосе».

После того, как детективы опросили более ста пятидесяти человек и отработали все зацепки, мы составили список имён для третьего и последнего тела. Стоматоло-

гические записи убедили нас, что это была 16-летняя жительница Кента, Опал Миллс. Я был тем, кто сообщил её родителям о возможной смерти их дочери и привёл их на опознание. Нет более душераздирающей сцены, когда родители узнают, что их ребёнок мёртв. Как и Маршаллы, родители Опал были опустошены. Но когда мы стали говорить об обстоятельствах смерти, они начали обороняться и даже злиться на меня.

Хотя Опал арестовывалась за вымогательство, Кэти Миллс продолжала настаивать, что её дочь не была проституткой. Спокойно, но твёрдо она сказала, что её дочь была девственницей и не могла торговать собой. Кэти Миллс предупреждала её об опасностях, что несут в себе автострады. Она знала об убийстве Дебры Боннер и боялась, что её дочь попала в беду, когда ловила попутку.

Роберт Миллс был более резок в своих протестах. Он и слышать не хотел, что Опал могла оказывать секс-услуги за деньги, предпочитая считать её случайной жертвой. (Позже мы узнали, что мистер Миллс был одержим горем только в присутствии посторонних глаз. В личных беседах, как сказала его жена, он выражал облегчение от того, что проблемного ребёнка больше не будет рядом.)

Было что-то в том, как мистер Миллс говорил об Опал. Его взгляд, его движения подсказывали мне, что за их отношениями «отец-дочь» стояло нечто большее. Его привязанность к ней казалась почти любовной и порой он звучал, будто потерял свою девушку, а не дочь. Я нутром чувал, что он был вовлечён в кровосмесительные отношения с Опал.

Но подобные чувства к делу не привяжешь. Хотя мысль о том, что молоденькая проститутка однажды подверглась сексуальному насилию, не казалась надуманной. Большой процент проституток в детстве подвергался сексуальным домогательствам, зачастую со стороны членов семьи. Как ещё пятнадцатилетняя девочка может чувствовать себя комфортно, игнорируя все табу и используя секс, чтобы получить всё, что ей нужно?

Я не хочу сказать, что все проститутки в округе подвергались домогательствам со стороны их отцов. И, конечно, это не относится к жертвам с Грин-Ривер. Но многие следователи по этому делу держали в голове возможное наличие подобных отношений и проверяли родственников мужского пола, как потенциальных подозреваемых. Но ни мистер Миллс, ни кто-либо другой не был убийцей. Но сам факт того, что нам пришлось рассматривать наличие такого недопустимого, криминального поведения в семьях жертв, немало усложнил нашу работу.

Со временем расследование показало, что Опал была смышлёным, но очень озлобленным ребёнком с дурным характером. Её одноклассники не поверили, когда она хвасталась тем, что зарабатывала проституцией, хотя это было правдой. Мы также узнали, что она ходила в одну школу с 16-летней Венди Коффилд, найденной в Грин-Ривер 15 июля.

Казалось, все жертвы с Грин-Ривер были связаны чем-то ещё помимо общей вовлечённости в секс-торговлю. Коффилд, Боннер, Чапмен и Хиндс — все работали на «Полосе», а иногда на одних и тех же точках. По факту, тяжёлая работа, проделанная целевой группой, указала на их принадлежность этому участку Тихоокеанского шоссе ещё до времени их исчезновения. И наконец, благодаря сотрудничеству с телефонной компанией мы узнали, что свой последний звонок Опал сделала именно с «Полосы». Через три дня после этого я наткнулся на её тело в траве на берегу реки.

Менее, чем за неделю мы проделали большой путь к решению одной половины уравнения «чужой чужому». Теперь мы знали имена всех жертв. Знали, что все они работали на «Полосе», скрывая свои истинные личности, пребывая в мире тайн и секретности. Трое были школьного возраста. А ещё две — небольшого роста и телосложения и легко могли быть приняты за школьниц. Проще говоря, они были самыми уязвимыми и беспомощными жертвами из всех, кого мог выбрать убийца.

Для следователей они были одними из самых трудно проверяемых людей. Они специально ослабляли связи с друзьями и семьями, а их перемещения были покрыты завесой тайны. Они редко говорили правду, что затрудняло восстановление последних дней жизни. И большинство мужчин и женщин, знавших их, отказывались говорить, ради своей собственной безопасности. Что было весьма оправданно. Все они были причастны к тем или иным преступлениям. Как мы не пытались донести, что нас не волнуют дела, в которые они моли быть вовлечены и, что мы хотели только поймать убийцу, большинство из них не доверяло нам.

Несмотря на все трудности, мы добились большого прогресса, когда стали составлять список всех возможных подозреваемых. По выходным через «Полосу» проезжали сотни мужчин. Но очень немногие из них походили на убийц. На самом деле никто не мог сказать, что он или она когда-либо видели, чтобы кто-то силой вынуждал девушек сесть в машину или угрожал пистолетом или другим оружием. Вообще, большинство проституток говорили, что их работа месяцами шла без происшествий. Клиенты приходили и уходили, и, если кто-то причинял им неприятности, так это в основном сутенёры.

В свой первый день расследования смерти Дебби Боннер я разговаривал с её поручителем, внёсшим за неё залог. Он сказал, что Дебби жаловалась на угрозы со стороны человека по имени Мэтьюз. Это же имя фигурировало в письме Дебби, которое мне дали её родители. В нём Дебби говорила, что Мэтьюз собирался убить её, если её сутенёр, Карлтон Маршалл, не выплатит некий должок.

Было бы логично предположить, что Дебби предсказала своё собственное убийство и оставила улику. Опросы, проведённые другими офицерами, указывали на существование, так сказать, «войны сутенёров», проходившей на «Полосе». Возможно, жертвы с Грин-Ривер были потерями в результате этого конфликта: убиты, чтобы вывести из дела бизнес конкурентов.

К сожалению, в эту теорию не вписывалась много всего, что мы знали об убийствах на сексуальной почве. Сутенёры могут избить проститутку и могут попытаться разрушить бизнес конкурентов. Но девушки слишком ценны, чтобы убивать их. К тому же, если сутенёр убивал проститутку, вскоре он сам оказывался мертвецом.

Несмотря на эти догадки, мы последовали за мыслью о «войне сутенёров». Но, когда нашли Карлтона Маршалла, оказалось он знал об убийце Дебби не больше нашего. После попытки отвадить нас — «идите в жопу, ни хрена я вам не скажу» — в итоге он начал говорить. Карлтон настаивал, что Дебби была ему не безразлична. Она нравилась ему и, когда пропала, он забеспокоился. По его словам, письмо о Мэтьюзе было правдивым. Он сказал Дебби, что Мэтьюз просто трепал языком. Маршалл солгал, чтобы убедить её остаться на улице и заработать столько денег, сколько она могла, и как можно быстрее.

В этом направлении и продолжилась работа. Появились зацепки. Например, этот лакомый кусочек доказательств в виде письма Дебби. А затем также быстро весь прогресс испарился. Лживость была второй натурой тех, кто связал свою жизнь с обочинами и мотелями «Полосы». Очень немногие из их историй имели что-то общее с реальностью и нам пришлось затратить немало времени и энергии, упираясь в тупики, потому что кто-то дал только на половину правдивую информацию.

Ненадёжные свидетели свалили на нас один огромный ком проблем. Признаки появления серийного убийцы — обеспечили второй. Опытного серийного убийцы и очень проворного, считающего убийства, своего рода, искусством, которым он готов был заниматься сверхурочно. (Я сказал «он», потому что в подобных делах это почти всегда мужчины). Серийные убийцы обычно не оставляют никаких вещественных доказательств, ни с кем не обсуждают то, чем занимаются и с опытом становятся умней.

В начале 80-х эксперты только начали использовать науку, психологию, анализ дел и другие инструменты для создания, так называемых, профилей серийных убийц. Одним из лучших экспертов, так уж случилось, был бывший детектив округа Кинг и мой старый товарищ, Роберт «Боб» Кеппел. После не увенчавшихся успехом поисков Тэда Банди, Кеппел направил много времени и сил на изучение серийных убийц. Он был родоначальником многих методов, используемых для их поимки. В 1981 году его призвали на помощь для расследования убийств детей в Атланте.

В Атланте Боб встречался и разговаривал с другими детективами, которые преследовали серийных убийц на своих подведомственных территориях. Вместе они помогли отвлечь властей от мысли, что темнокожих детей убивал белый расист. Они предложили полиции заняться поисками чернокожего мужчины, работающего с детьми, который, возможно, возвращался на места преступлений. После того, как он попался в поле зрения наблюдения на месте захоронения возле реки, полиция арестовала убийцу, которым оказался Уэйн Уильямс. Как и предполагалось в профиле, он был чернокожим мужчиной, который работал школьным фотографом, что позволяло ему общаться с детьми. А ещё он пытался записаться добровольцем на поиски убийцы детей в Атланте.

К тому времени, как по делу Грин-Ривер была создана целевая группа, Боб Кеппел имел репутацию выдающегося профессионала, хотя временами чересчур самоуверенного. (Мне нравится его напористость, хотя некоторых людей задевала его слава и они считали его «самопиарщиком».) Боб оставил Службу шерифа, чтобы стать главным следователем при Генеральной прокуратуре Вашингтона. Среднего возраста, закалённый, он был отличным выбором для подобной работы, и, полагаю, получил солидную прибавку к жалованью и более приемлемый рабочий график. Никаких срочных звонков о мёртвых телах. Никако-

го ползания на и коленях, чтобы найти части костей или другие улики. Но он был доступен в качестве консультанта по нашему делу, и майор Краске привёл его на встречу, на которой присутствовал я и ряд других детективов целевой группы.

Я проинформировал собравшихся о деле Грин-Ривер, рассмотрев личности жертв и их активность, а также наши скудные зацепки. Детективы других юрисдикций рассказали о нераскрытых убийствах молодых женщин, особенно проституток. И мы слышали об огромном количестве пропавших без вести. Мы перебрали возможные связи с убийствами на Грин-Ривер. Некоторые думали, что все они были делом рук одного убийцы. Другие считали, что между ними не было никаких связей.

Когда очередь дошла до Кеппела, он отделил жертв с Грин-Ривер — Коффилд, Боннер, Миллс и Чапмен — от других дел о пропавших и убитых девушках. (Уилкокс временно была исключена из списка.) В этих пяти жертвах он видел возможный «почерк» серийного убийцы-одиночки. Все они были задушены, некоторые были найдены с лигатурами¹. Все были оставлены в сексуально унижительных позах, обнажёнными и грязными. Камни, помещённые внутрь двух жертв, служили ярким подтверждением той же сексуальной враждебности.

У Боба Кеппела не было никаких сомнений, что Северо-Запад снова стал охотничьим угодьем хищника, который выслеживал и убивал молодых девушек. Жертвы немного отличались — теперь это были проститутки вместо студенток, — но общая картина была схожей. Мы столкнулись с жестоким и одержимым человеком в тисках ярости, которая не собиралась утихать. Вероятнее всего, он должен был расширить диапазон охоты, заезжая всё даль-

¹ Лигатура — нить, используемая для перевязки кровеносных, лимфатических сосудов или других трубчатых органов, либо для соединения органов и тканей. В данном случае использовалась в качестве удавки.

ше в поисках жертв. И мог остановиться только в случае поимки или смерти.

Среди тех из нас, кто слушал Боба, нашлась пара человек, которые никак не хотели принимать, что мы имели дело с очередным серийным убийцей. Ничто из того, с чем мы сталкиваемся в правоохранительных органах, не может сравниться с серийными убийствами по срочности, требовательности, трудоёмкости и ужасу. Общественность пребывает в страхе перед серийными убийцами и тот факт, что они находятся в постоянном поиске новых жертв, оказывает невероятное давление на тех, кто должен их остановить. Но в месте с этим есть преступления, которые сложнее раскрывать, чем серию убийств «чужой чужому».

Пока одни отрицали существование серийного убийцы, другие просто не хотели принимать теории Кеппела. У мужчин и женщин в той комнате имелся большой опыт работы с убийствами и вполне закономерно у них возникли свои собственные идеи. Некоторые смотрели на то, как были оставлены тела и предположительную хронологию убийств, задаваясь вопросом о раздражателе. Другие думали, что ни один уважающий себя серийный убийца (предполагалось, что они были не глупыми) не стал бы избавляться от жертв в реке после обнаружения там тел Коффилд и Боннер.

Я полагал, что убийца мог возвращаться к реке. Действительно дерзкий серийный убийца мог возвращаться на точки, известные полицейским, чтобы насмеяться над ними, подкидывая новые тела. По этому пункту я был согласен с Кеппелом.

Но в отличие от Кеппела, я пока что не видел «почерка», ясно просматривающегося во всех случаях. Камни были найдены только у двух жертв. То же касается лигатур. И только у двух присутствовали элементы одежды. Если и был какой-то почерк, то он скорее касался телосложения, возраста и рода занятий убитых девушек. Все они

были небольшими. Все были молодыми, либо молодо выглядящими. И все были проститутками, работающими на «Полосе». Ключевым сходством обладали сами жертвы, а не методы убийцы.

После окончания собрания все сошлись на том, что наш монстр должен был убить снова и вполне мог уже забрать больше жизней, чем нам было известно. Ему нужно было место, чтобы избавиться от тел. И было очевидно, что он отдавал предпочтение реке. Возможно, это было символическое крещение мёртвых проституток. Или, потому что вода могла смыть все улики, — как, например, волосы или волокна, которые он мог оставить на телах. Какой бы ни была причина, ему явно нравилась Грин-Ривер, так что мы решили сделать ставку на участок Фрагер-Роад, чтобы проверить, вернётся ли он.

Нам повезло, когда мы отправились организовывать наблюдение за Грин-Ривер. Квартира на верхнем этаже небольшого жилого комплекса со стороны западного берега оказалась пустой. Мы смогли разместить там офицеров с биноклями и оборудованием для ночного видения. У них был хороший обзор обеих сторон речной глади, а также длинного участка Фрагер-Роад.

Дорога обеспечивала единственный доступ к месту обнаружения тел, а непосредственно к самой точке можно было подойти двумя путями: со стороны моста Пек-Бридж и с Вест Вэлли Хайвэй.

Мы разместили две гражданские машины, которые занимались круглосуточным наблюдением. Офицеры записывали марку, модель, год и номер каждого проезжающего мимо транспортного средства.

Каковы были шансы, что цель попалась бы в расставленные сети? Очень прозрачными. Но все совершают ошибки и, возможно, убийца погорел бы из-за своей самоуверенности. Он вполне мог подумать, что река «слишком горяча», чтобы возвращаться к ней и поэтому мы не будем вести наблюдение. Но, как бы то ни было, мы должны были быть начеку и оставаться незамеченными.

Так прошёл день работы. А затем, когда местные телеканалы готовились к прямому вечернему вещанию, репортёр, пролетающий над рекой, заметил наши машины, которые хоть и были не видны с земли, но хорошо просматривались с воздуха. Когда телеведущие обратились к нему по поводу обстановки на Грин-Ривер, наша маскировка оказалась раскрыта. Если бы убийца не смотрел телевизор в тот момент, то наверняка услышал бы о нас от кого-то из тысяч других, кто видел репортаж.

Мы все понимали, что Сиэтл — это высоко конкурентный новостной рынок. Репортёры двух наших основных ТВ-каналов пытаются любой ценой обойти конкурентов в погоне за сенсацией. И, конечно, помощь в расследовании не в ходит в обязанности журналистов. Но всё-таки, они тоже были людьми и скорее всего хотели, чтобы убийства прекратились. Но вместо этого мешали нам и, возможно, давали убийце шанс избежать ареста.

Невозможно оценить ущерб, нанесённый этим воздушным репортёром. Остаётся только гадать, что могло бы случиться, останься наше наблюдение нераскрытым. Но могу сказать, что показ наших автомобилей положил начало долгим тяжёлым отношениям между СМИ и нашей целевой группой. Иногда они помогают, предупреждая общественность и побуждая граждан выходить с нами на связь с полезной информацией. Но часто просто путаются под ногами, искажая мысли и воспоминания потенциальных свидетелей и делая почти невозможной работу на местности.

ГЛАВА 3. СПАСИТЕЛИ И ГРЕШНИКИ

В типичном деле об убийстве (я знаю, что родственники жертв их таковыми не считают) вы направляете всю энергию на поимку человека, отнявшего жизнь. Вы делаете это для жертв, для их семей, для общества, а не ради абстрактной идеи о свершении правосудия. С началом дела Грин-Ривер мы приняли этот вызов, имея на руках минимум пять жертв. Но у нас была и другая, даже более неотложная цель. Так как мы имели дело с хищником, для которого убийства были «спортом», мы понимали, что необходимо предотвратить будущие убийства. Это было не просто расследование. Это была война против врага, использовавшего классическую партизанскую тактику, осторожно выбирая время и место для своих скрытных атак. И мы были уверены — он собирается нанести следующий удар.

Мы могли только обмениваться догадками об убийце, полагаясь на обстоятельства убийств и свидетельства, полученные от экспертов. Боб Кеппел был первым, кто дал нам профиль, но вскоре мы получили анализ дела, выполненный отделом поведенческой науки ФБР в Куантико, Вирджиния. Автором был Джон Дуглас, человек, который со временем стал всемирно известным криминальным профайлером. В то время профилирование находилось на ранних этапах развития. Но все соглашались, что убийцы наподобие того, кого мы искали, действовали под влиянием фантазий о сексуальном контроле и превосходстве. Как только они начинали воплощать эти фантазии в реальность, остановиться уже не могли.

То, что профайлеры говорили о мотивации серийных убийц, зачастую было очень любопытно. Можно было полагать, что наш кандидат в детстве подвергался унижени-